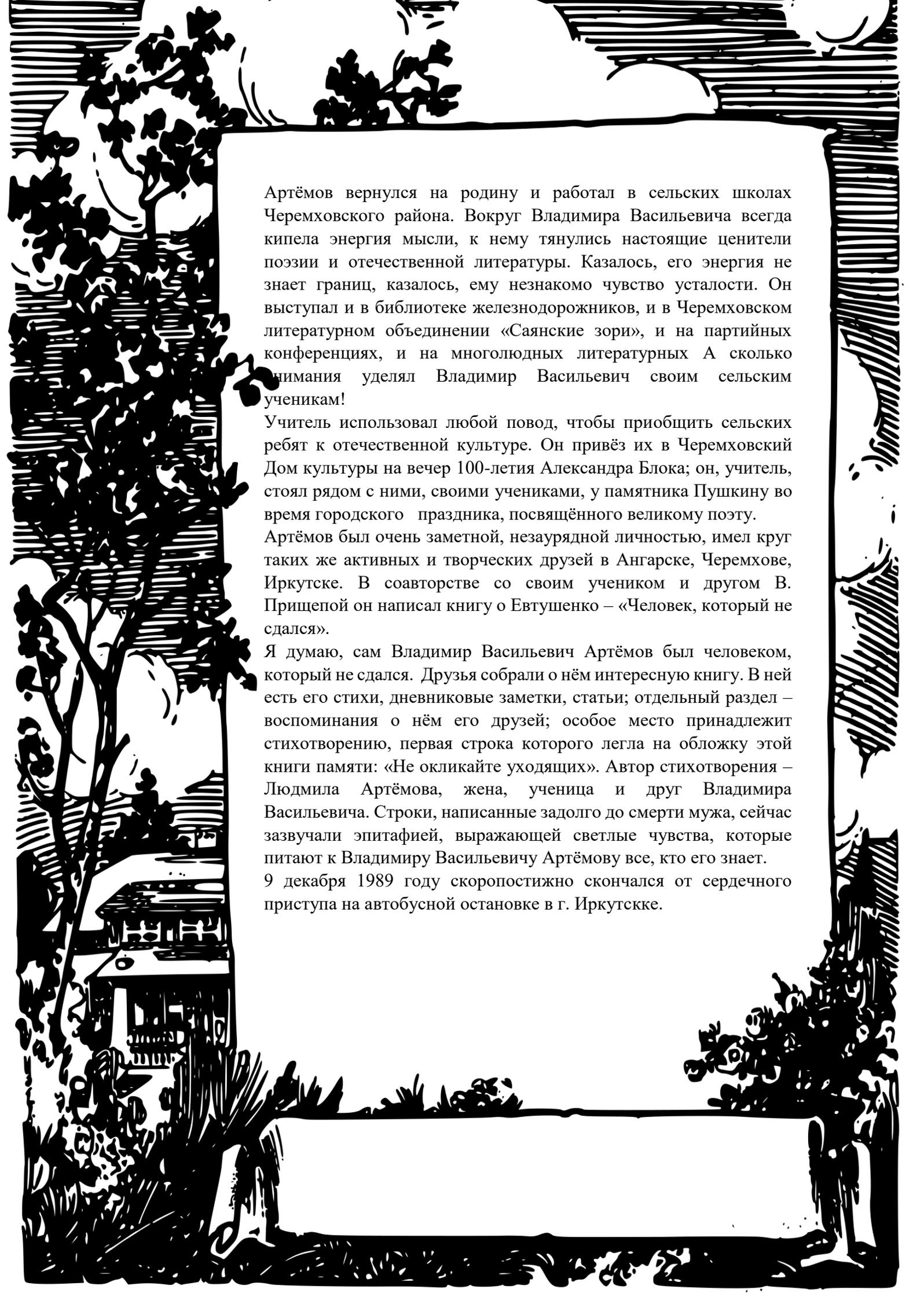

Владимир Васильевич Артемов

Родился он 10 декабря 1944 года и с рождения попал в Иркутский дом ребенка, из которого Володю усыновили добрые люди заменившие родных мать и отца. Человек высокоразвитый, богатого интеллекта и глубочайших знаний. Волей судьбы после окончания филологического факультета Иркутского

университета он вернулся в Черемховский район, где обучал сельских детишек русскому языку и литературе. Его неумный темперамент и неординарная деятельная натура были той основой, которая приносила ему знакомства со множеством людей, многие из которых становились его друзьями. Счастливый романтик, с каждой учительской зарплаты покупавший книги, которые окружали его везде на работе, в кругу друзей, дома. Со студенческих лет до и до конца своей жизни, он пронес глубокую любовь к творчеству нашего земляка, выдающемуся поэту и одним из самых ярких талантов того времени Евгению Александровичу Евтушенко. Личности, неоднозначной противопоставлявшей себя власти, и Владимир Васильевич несколько лет был его неофициальным литературным секретарем, вел работу составителя крупных поэтических книг Е. А. Евтушенко в 70-е годы, занимался научными и библиографическими изысканиями по его творчеству. Вел дневники, в которые ежедневно заносил все, что касается своего кумира, фиксировал малейшее упоминание имени исследуемого им поэта Евгения Евтушенко. Это было главным делом его жизни, он считал себя первым в Советском Союзе прижизненным исследователем жизни и творчества этого художника слова. Возможно по-другому бы сложилась его профессиональная и научная жизнь, если бы согласился Владимир Владимирович на замену темы своей диссертации, посвященному опальному в то время поэту, но этого не случилось.

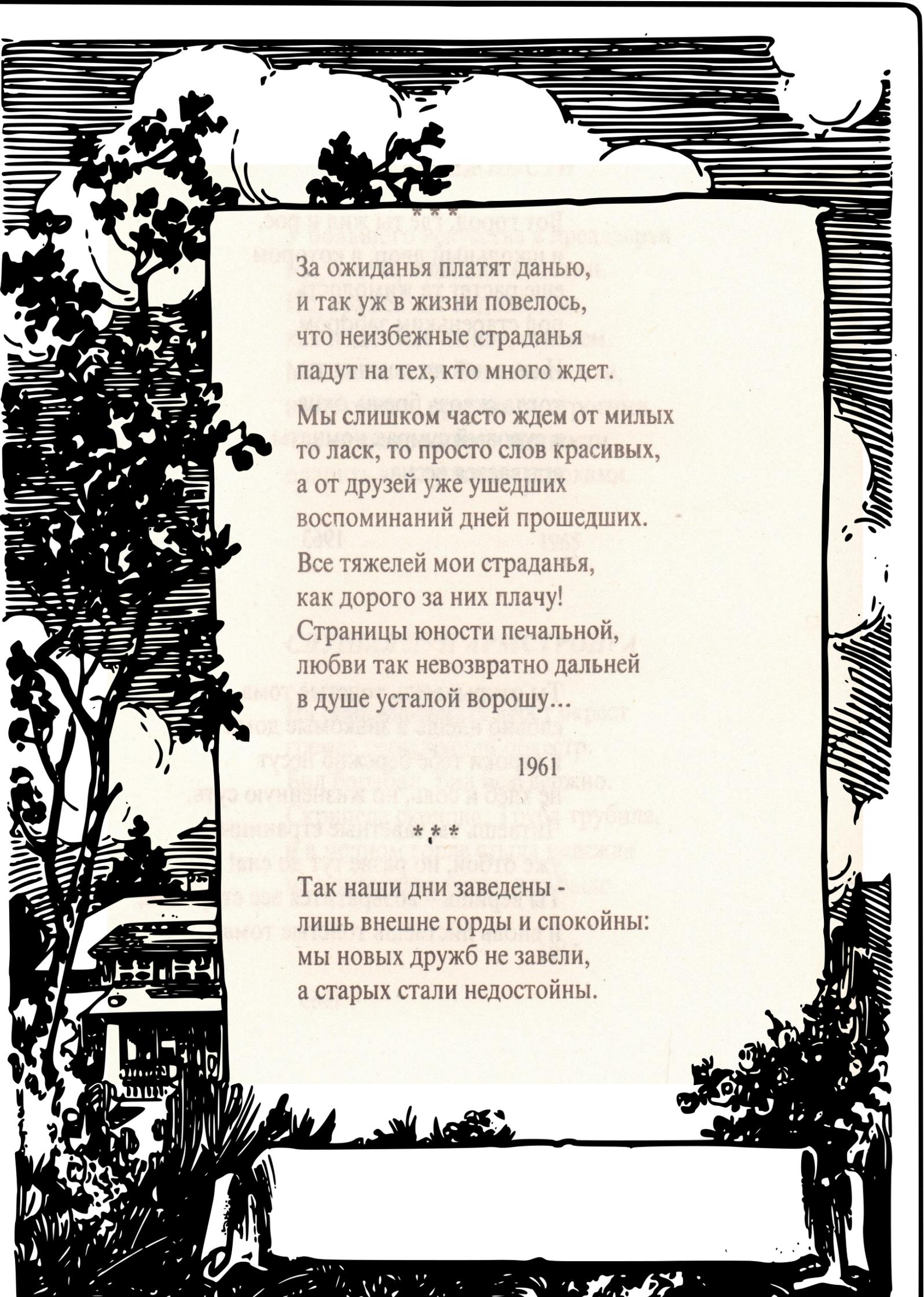
Артёмов вернулся на родину и работал в сельских школах Черемховского района. Вокруг Владимира Васильевича всегда кипела энергия мысли, к нему тянулись настоящие ценители поэзии и отечественной литературы. Казалось, его энергия не знает границ, казалось, ему незнакомо чувство усталости. Он выступал и в библиотеке железнодорожников, и в Черемховском литературном объединении «Саянские зори», и на партийных конференциях, и на многолюдных литературных А сколько внимания уделял Владимир Васильевич своим сельским ученикам!

Учитель использовал любой повод, чтобы приобщить сельских ребят к отечественной культуре. Он привёз их в Черемховский Дом культуры на вечер 100-летия Александра Блока; он, учитель, стоял рядом с ними, своими учениками, у памятника Пушкину во время городского праздника, посвящённого великому поэту.

Артёмов был очень заметной, незаурядной личностью, имел круг таких же активных и творческих друзей в Ангарске, Черемхове, Иркутске. В соавторстве со своим учеником и другом В. Прищепой он написал книгу о Евтушенко – «Человек, который не сдался».

Я думаю, сам Владимир Васильевич Артёмов был человеком, который не сдался. Друзья собрали о нём интересную книгу. В ней есть его стихи, дневниковые заметки, статьи; отдельный раздел – воспоминания о нём его друзей; особое место принадлежит стихотворению, первая строка которого легла на обложку этой книги памяти: «Не окликайте уходящих». Автор стихотворения – Людмила Артёмова, жена, ученица и друг Владимира Васильевича. Строки, написанные задолго до смерти мужа, сейчас звучали эпитафией, выражающей светлые чувства, которые питают к Владимиру Васильевичу Артёмову все, кто его знает.

9 декабря 1989 году скоропостижно скончался от сердечного приступа на автобусной остановке в г. Иркутске.

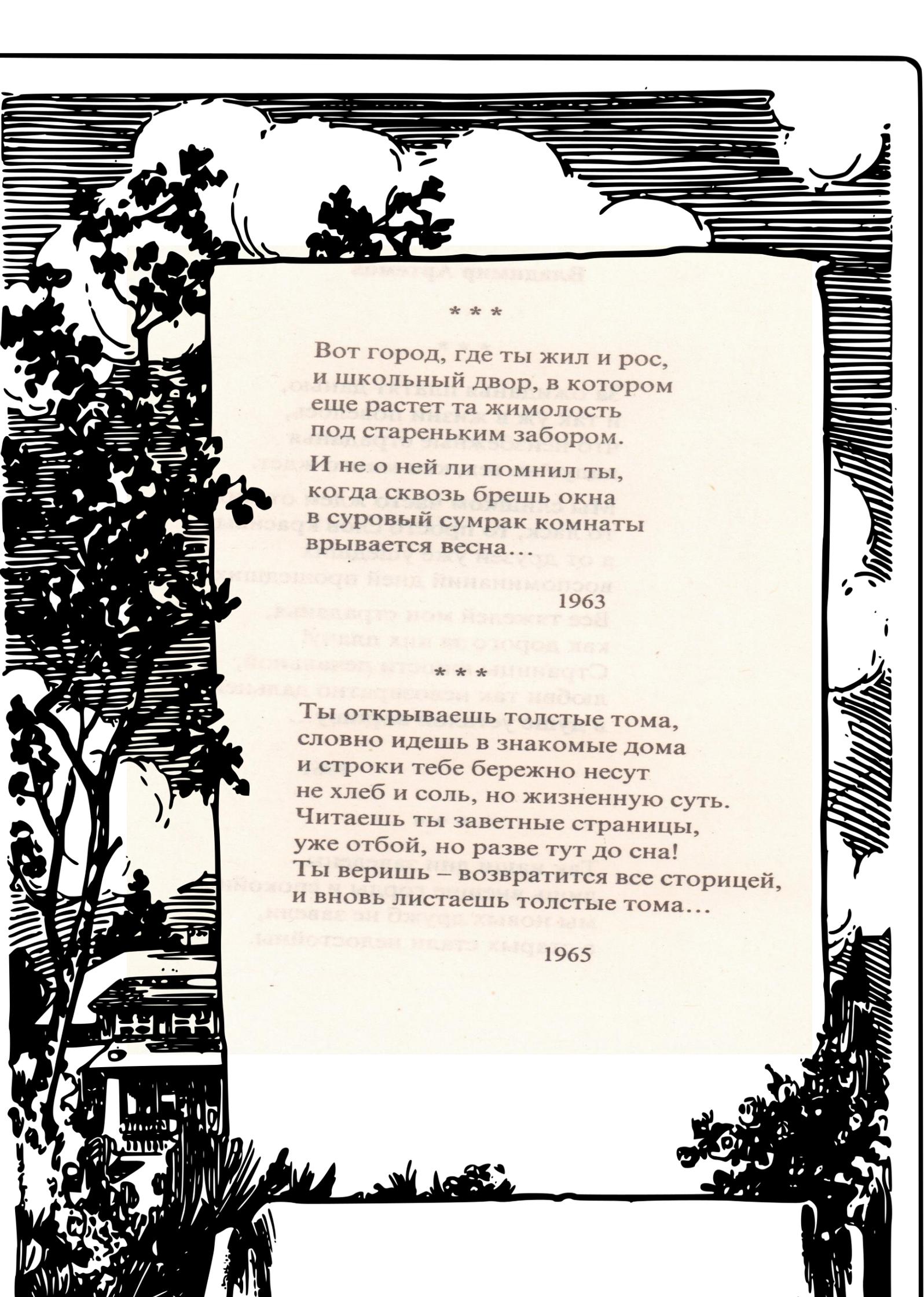
За ожиданья платят данью,
и так уж в жизни повелось,
что неизбежные страданья
падут на тех, кто много ждет.

Мы слишком часто ждем от милых
то ласк, то просто слов красивых,
а от друзей уже ушедших
воспоминаний дней прошедших.

Все тяжелей мои страданья,
как дорого за них плачу!
Страницы юности печальной,
любви так невозвратно дальней
в душе усталой ворошу...

1961

Так наши дни заведены -
лишь внешне горды и спокойны:
мы новых дружб не завели,
а старых стали недостойны.

* * *

Вот город, где ты жил и рос,
и школьный двор, в котором
еще растет та жимолость
под стареньким забором.

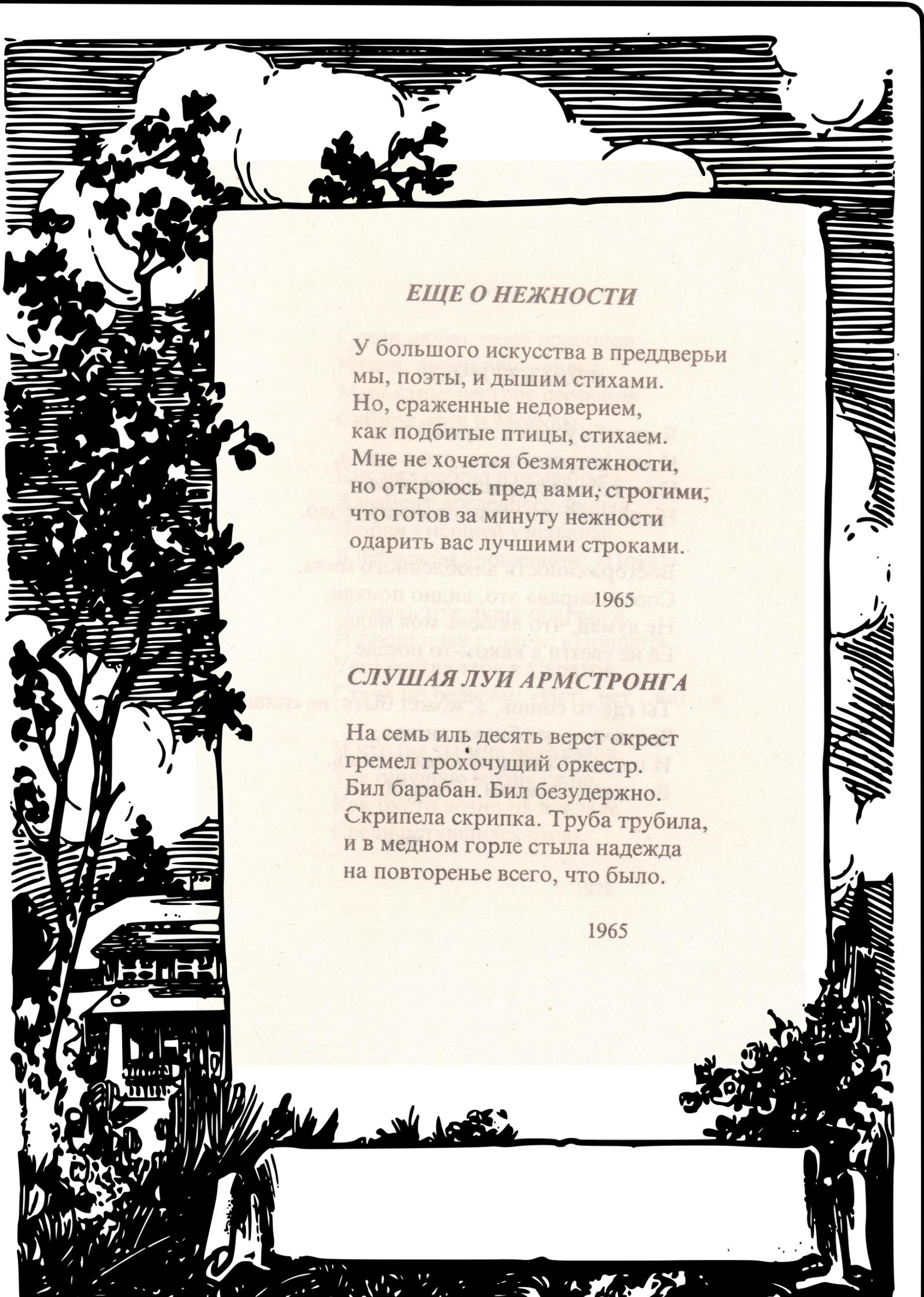
И не о ней ли помнил ты,
когда сквозь брешь окна
в суровый сумрак комнаты
врывается весна...

1963

* * *

Ты открываешь толстые тома,
словно идешь в знакомые дома
и строки тебе бережно несут
не хлеб и соль, но жизненную суть.
Читаешь ты заветные страницы,
уже отбой, но разве тут до сна!
Ты веришь – возвратится все сторицей,
и вновь листаешь толстые тома...

1965

ЕЩЕ О НЕЖНОСТИ

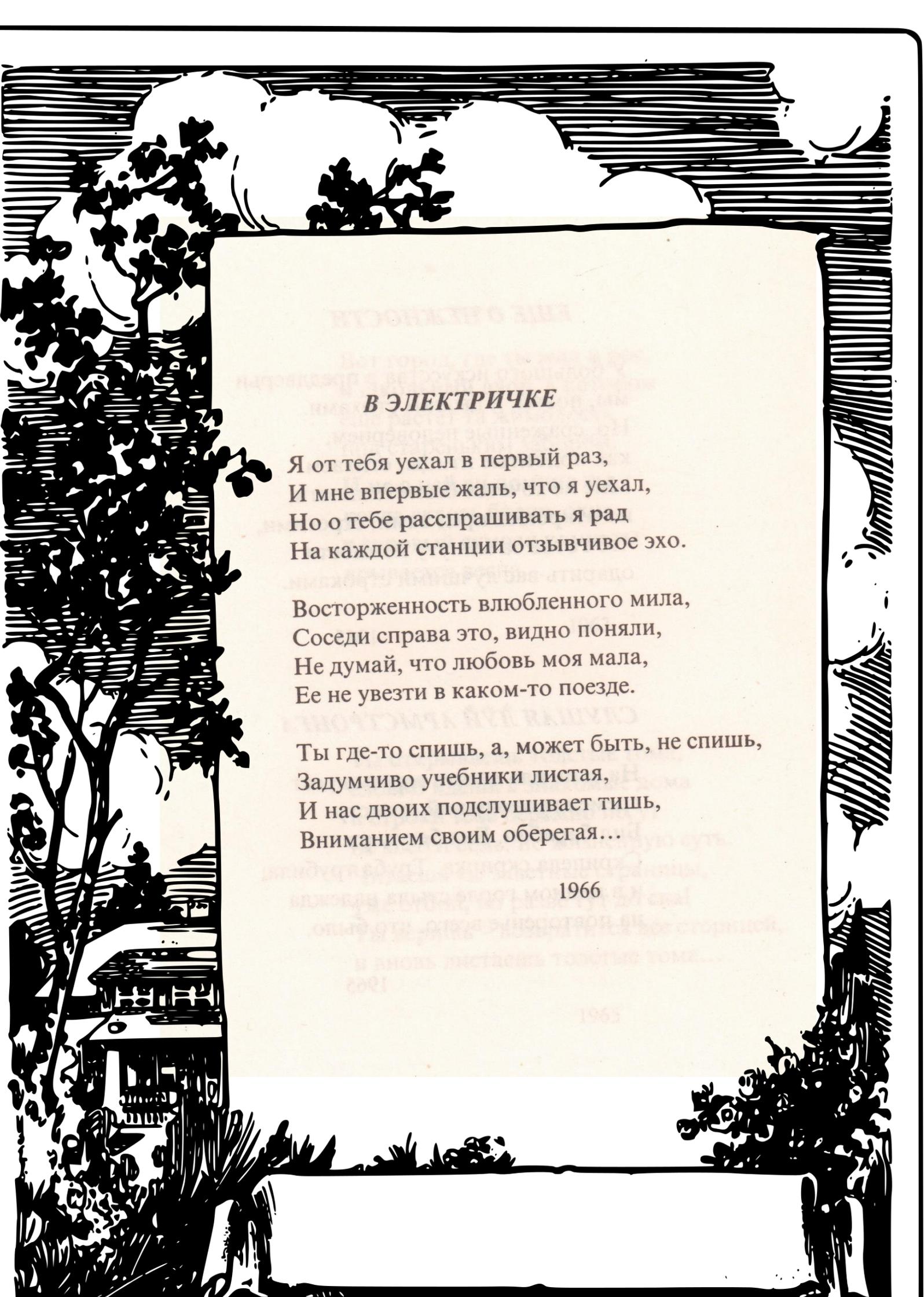
У большого искусства в преддверьи
мы, поэты, и дышим стихами.
Но, сраженные недоверием,
как подбитые птицы, стихаем.
Мне не хочется безмятежности,
но откроюсь пред вами; строгими,
что готов за минуту нежности
одарить вас лучшими строками.

1965

СЛУШАЯ ЛУИ АРМСТРОНГА

На семь иль десять верст окрест
гремел грохочущий оркестр.
Бил барабан. Бил безудержно.
Скрипела скрипка. Труба трубила,
и в медном горле стыла надежда
на повторенье всего, что было.

1965

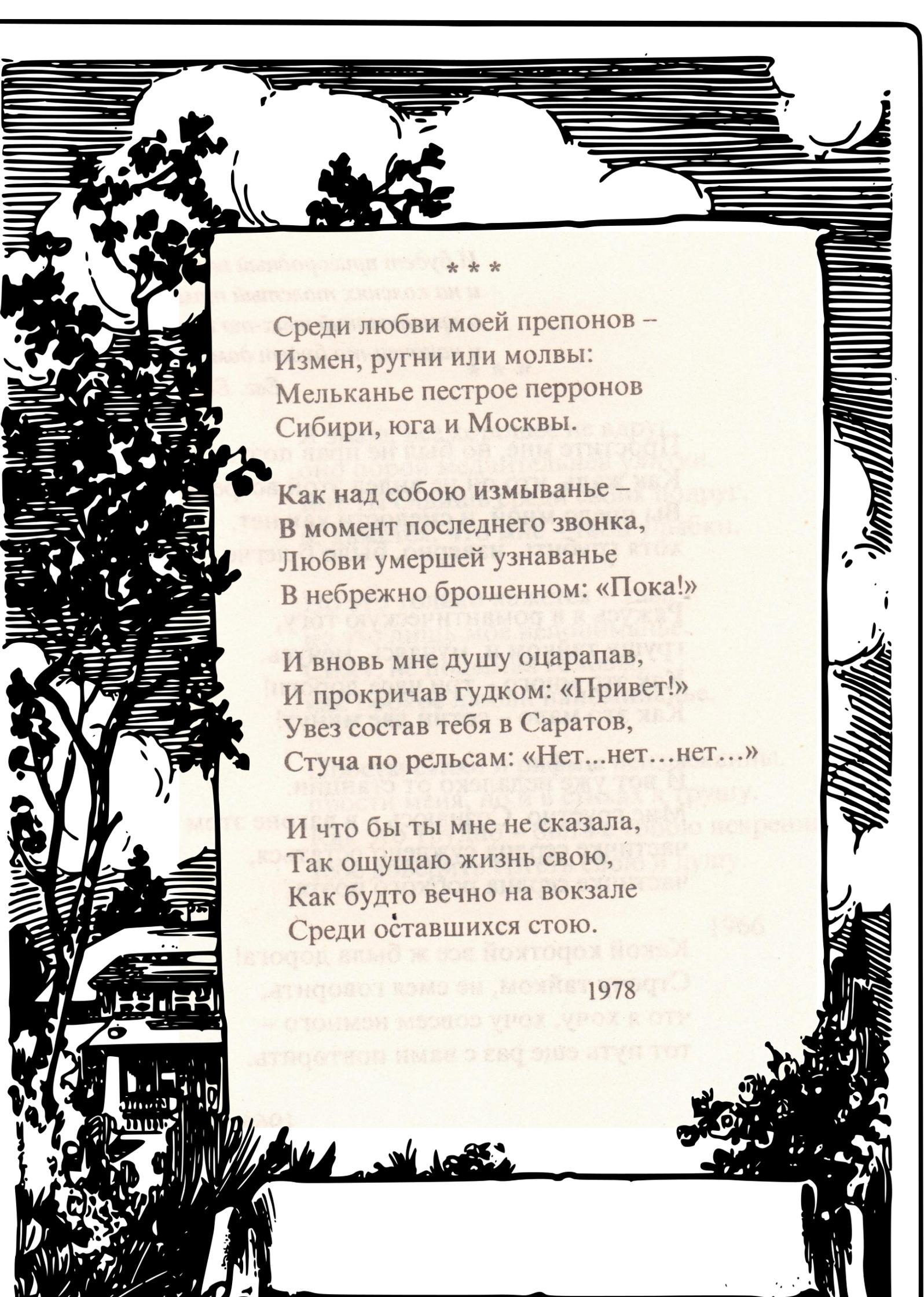
В ЭЛЕКТРИЧКЕ

Я от тебя уехал в первый раз,
И мне впервые жаль, что я уехал,
Но о тебе расспрашивать я рад
На каждой станции отзывчивое эхо.

Восторженность влюбленного мила,
Соседи справа это, видно поняли,
Не думай, что любовь моя мала,
Ее не увезти в каком-то поезде.

Ты где-то спишь, а, может быть, не спишь,
Задумчиво учебники листая,
И нас двоих подслушивает тишь,
Вниманием своим оберегая...

1966

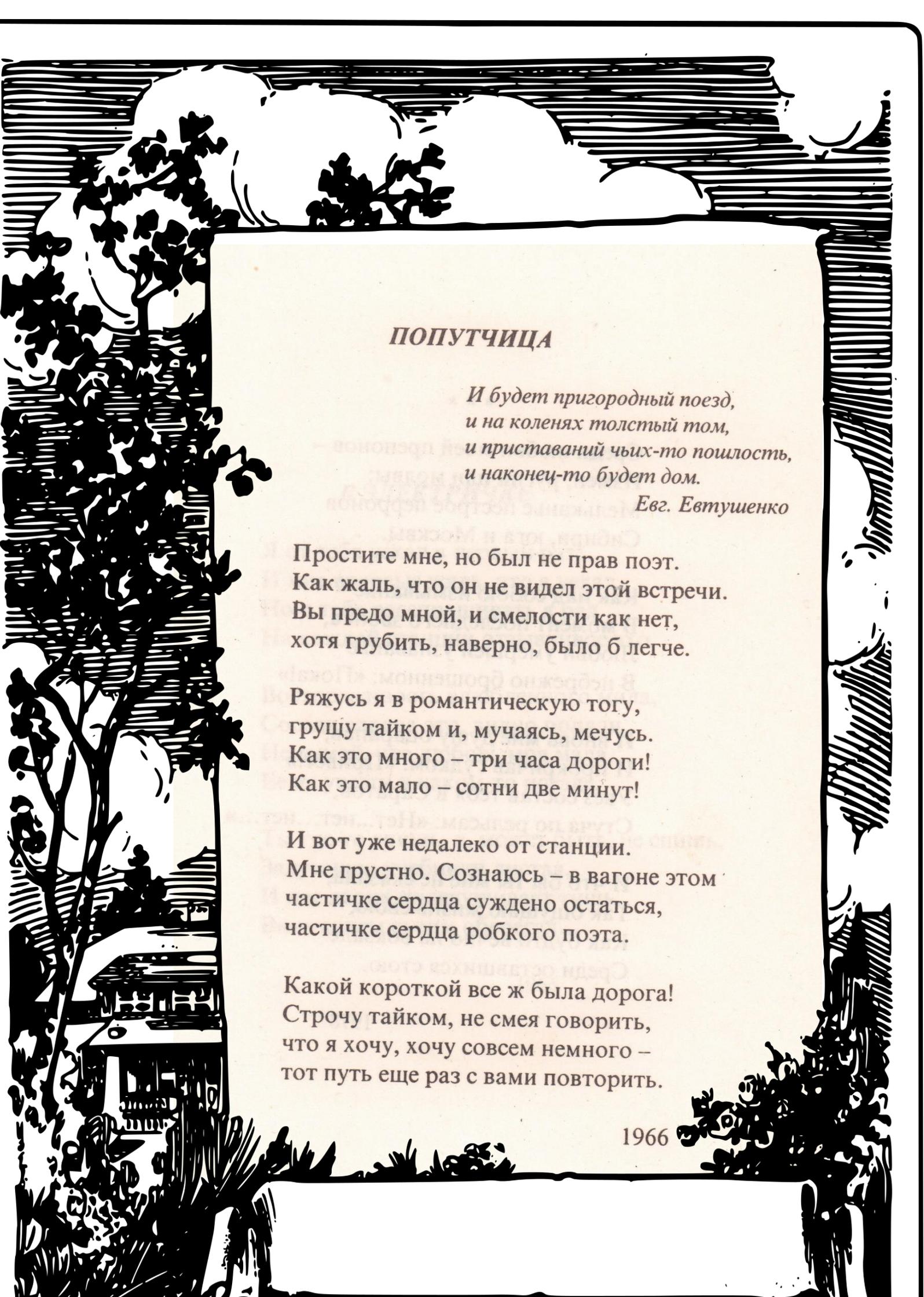
Среди любви моей препонов –
Измен, ругни или молвы:
Мельканье пестрое перронов
Сибири, юга и Москвы.

Как над собою измыванье –
В момент последнего звонка,
Любви умершей узнаванье
В небрежно брошенном: «Пока!»

И вновь мне душу оцарапав,
И прокричав гудком: «Привет!»
Увез состав тебя в Саратов,
Стуча по рельсам: «Нет...нет...нет...»

И что бы ты мне не сказала,
Так ощущаю жизнь свою,
Как будто вечно на вокзале
Среди оставшихся стою.

1978

ПОПУТЧИЦА

*И будет пригородный поезд,
и на коленях толстый том,
и приставаний чьих-то пошлость,
и наконец-то будет дом.*

Евг. Евтушенко

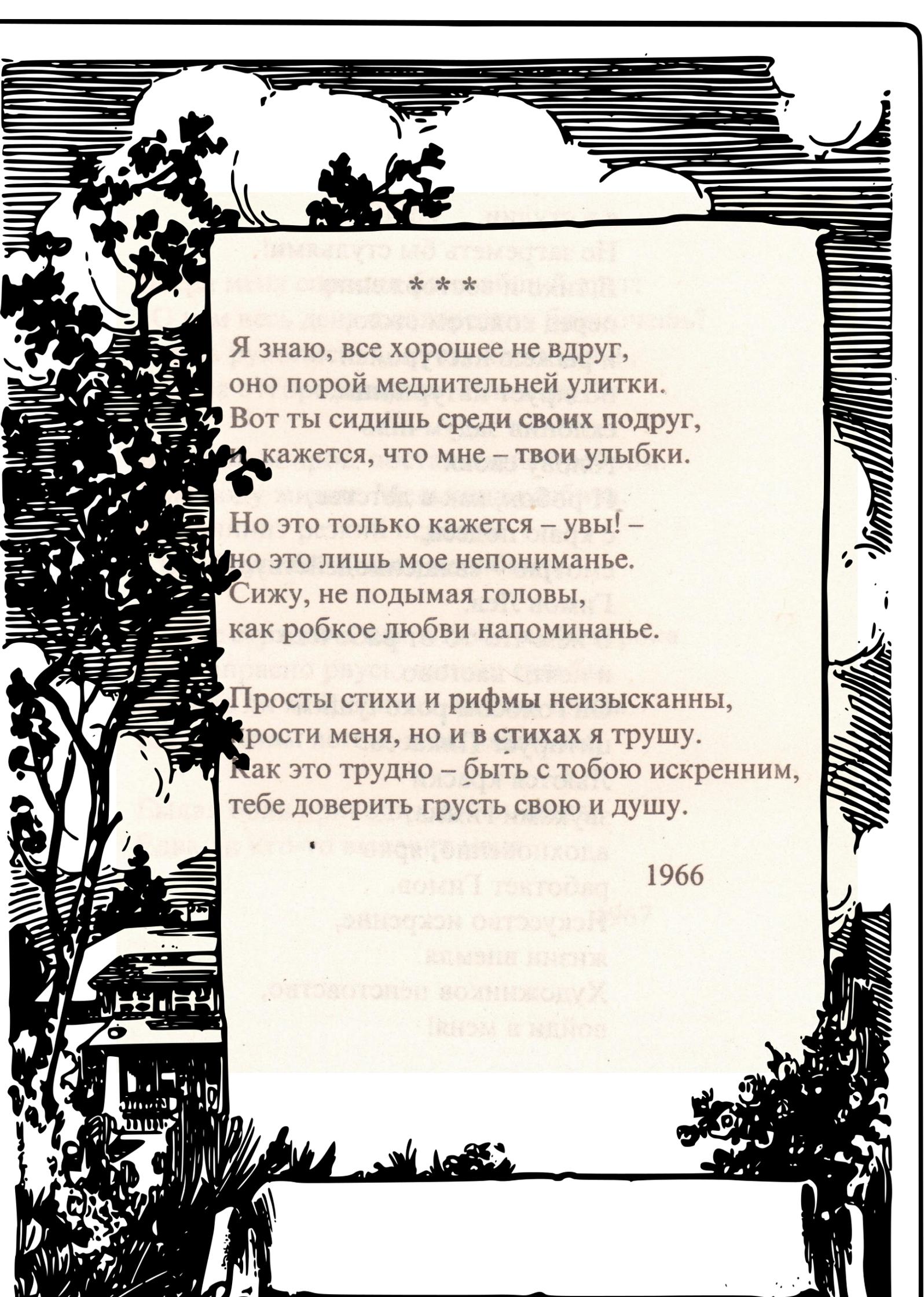
Простите мне, но был не прав поэт.
Как жаль, что он не видел этой встречи.
Вы предо мной, и смелости как нет,
хотя грубить, наверно, было б легче.

Ряжусь я в романтическую тогу,
грущу тайком и, мучаясь, мечусь.
Как это много – три часа дороги!
Как это мало – сотни две минут!

И вот уже недалеко от станции.
Мне грустно. Сознаюсь – в вагоне этом
частичке сердца суждено остаться,
частичке сердца робкого поэта.

Какой короткой все ж была дорога!
Строчу тайком, не смея говорить,
что я хочу, хочу совсем немного –
тот путь еще раз с вами повторить.

1966

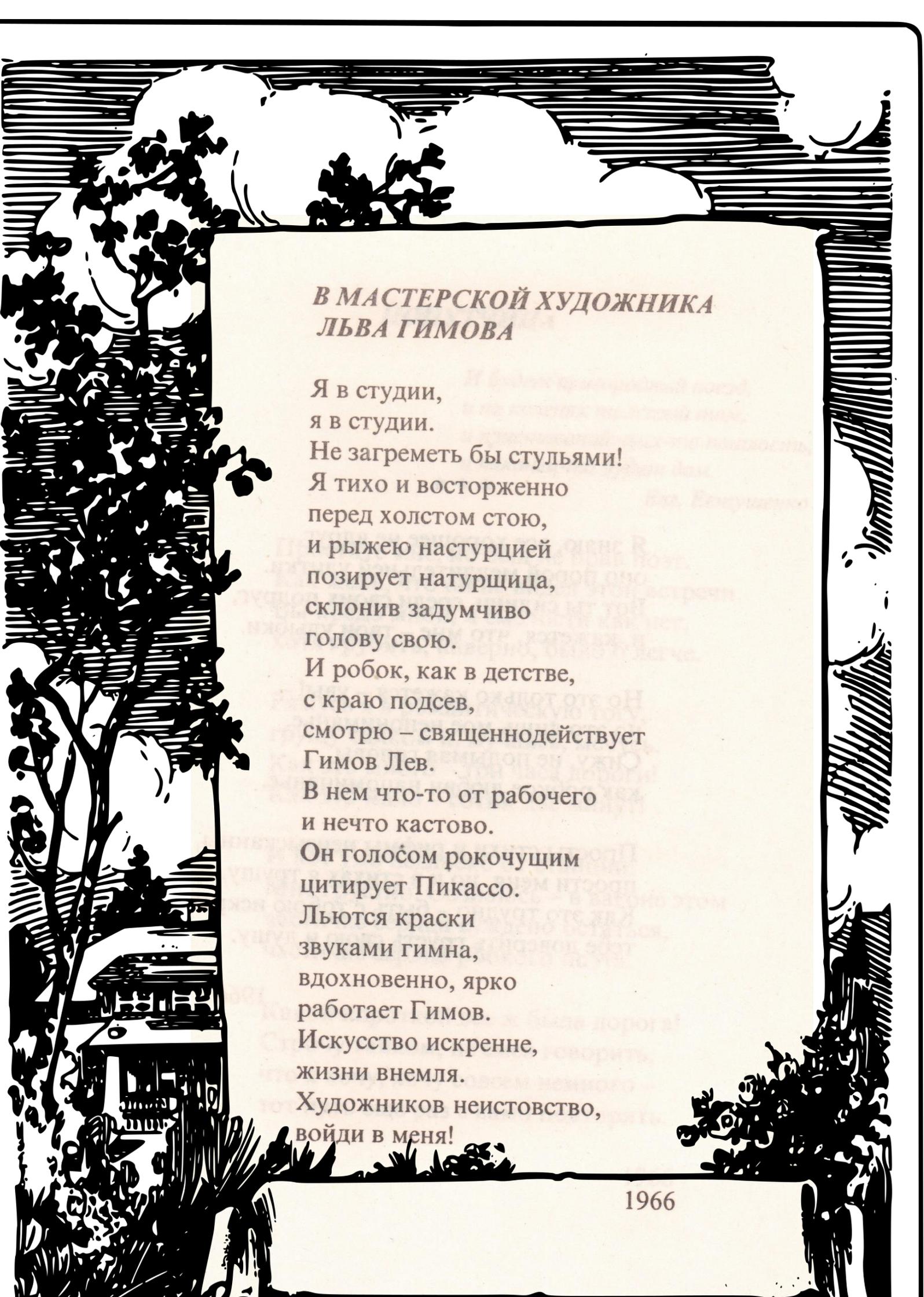
* * *

Я знаю, все хорошее не вдруг,
оно порой медлительней улитки.
Вот ты сидишь среди своих подруг,
и кажется, что мне – твои улыбки.

Но это только кажется – увы! –
но это лишь мое непониманье.
Сажу, не подымая головы,
как робкое любви напоминанье.

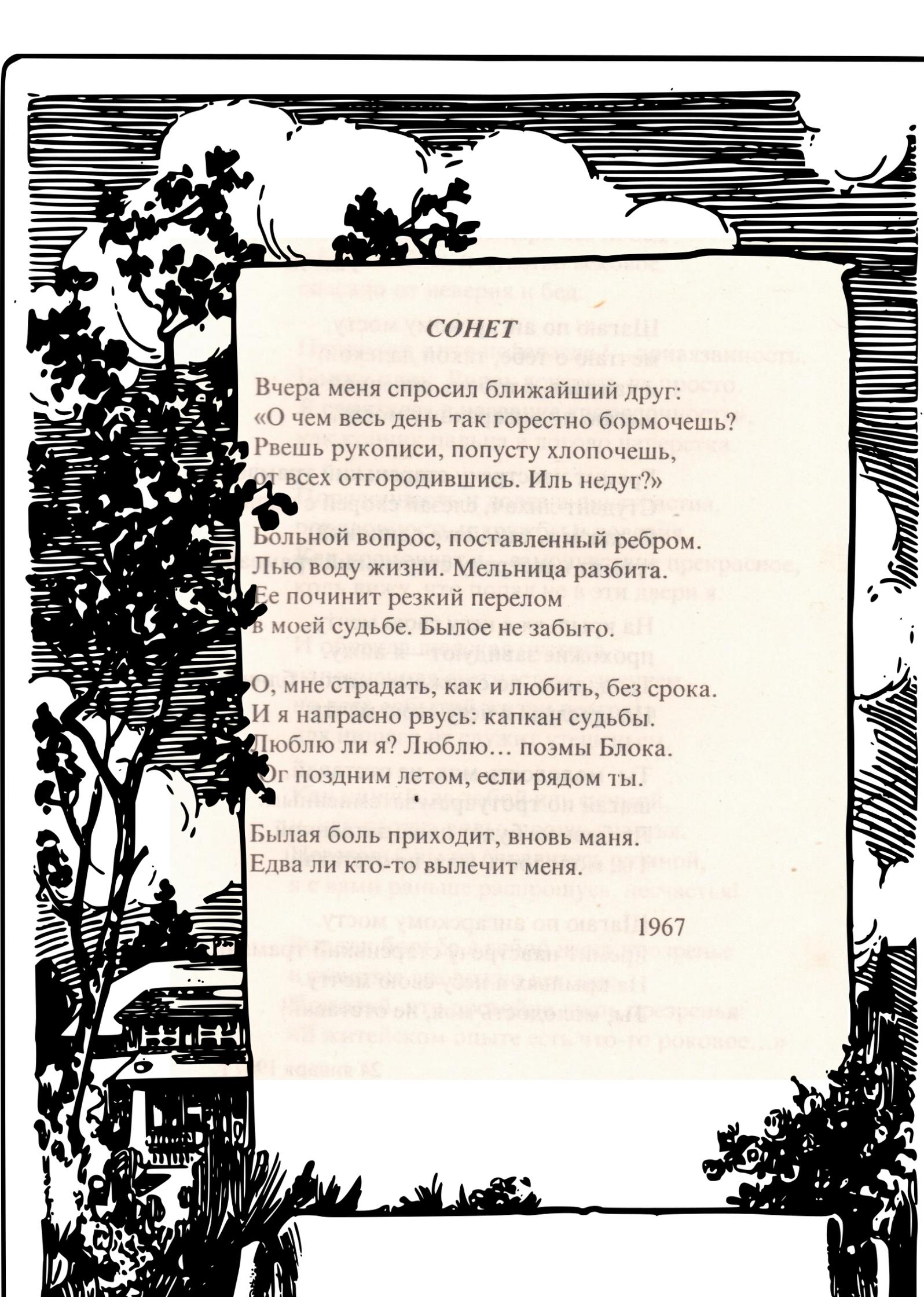
Просты стихи и рифмы неизысканны,
прости меня, но и в стихах я трушу.
Как это трудно – быть с тобою искренним,
тебе доверить грусть свою и душу.

1966

*В МАСТЕРСКОЙ ХУДОЖНИКА
ЛЬВА ГИМОВА*

Я в студии,
я в студии.
Не загреметь бы стульями!
Я тихо и восторженно
перед холстом стою,
и рыжею настурцией
позирует натурщица,
склонив задумчиво
голову свою.
И робок, как в детстве,
с краю подсев,
смотрю – священнодействует
Гимов Лев.
В нем что-то от рабочего
и нечто кастово.
Он голосом рокочущим
цитирует Пикассо.
Льются краски
звуками гимна,
вдохновенно, ярко
работает Гимов.
Искусство искренне,
жизни внемя.
Художников неистовство,
войди в меня!

СОНЕТ

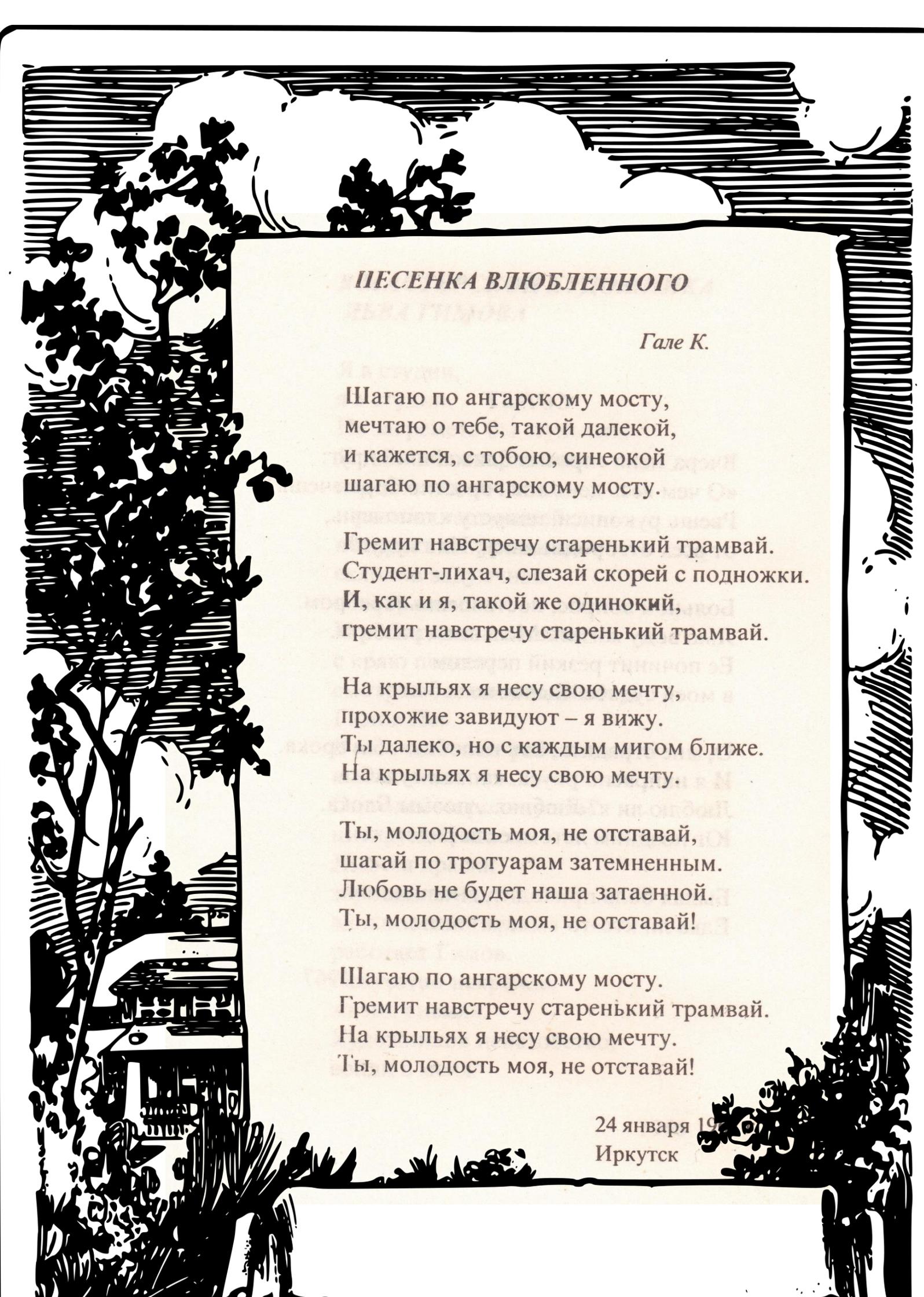
Вчера меня спросил ближайший друг:
«О чем весь день так горестно бормочешь?
Рвешь рукописи, попусту хлопчешь,
от всех отгородившись. Иль недуг?»

Больной вопрос, поставленный ребром.
Лью воду жизни. Мельница разбита.
Ее починит резкий перелом
в моей судьбе. Былое не забыто.

О, мне страдать, как и любить, без срока.
И я напрасно рвусь: капкан судьбы.
Люблю ли я? Люблю... поэмы Блока.
Ог поздним летом, если рядом ты.

Былая боль приходит, вновь маня.
Едва ли кто-то вылечит меня.

1967

ПЕСЕНКА ВЛЮБЛЕННОГО

Гале К.

Шагаю по ангарскому мосту,
мечтаю о тебе, такой далекой,
и кажется, с тобою, синеокой
шагаю по ангарскому мосту.

Гремит навстречу старенький трамвай.
Студент-лихач, слезай скорей с подножки.
И, как и я, такой же одинокий,
гремит навстречу старенький трамвай.

На крыльях я несу свою мечту,
прохожие завидуют – я вижу.
Ты далеко, но с каждым мигом ближе.
На крыльях я несу свою мечту.

Ты, молодость моя, не отставай,
шагай по тротуарам затемненным.
Любовь не будет наша затаенной.
Ты, молодость моя, не отставай!

Шагаю по ангарскому мосту.
Гремит навстречу старенький трамвай.
На крыльях я несу свою мечту.
Ты, молодость моя, не отставай!

24 января 1972
Иркутск

* * *

В житейском опыте есть что-то роковое.
Еще недавно – рыцарь без побед –
я был любим, и чувство вековое
спасало от неверия и бед.

Проходит – что поделаешь! – привязанность.
Брожу один. Вновь доверять не просто.
Я спрятался в название «порядочность»,
как кончик пальца в логово наперстка.

Порядочность и долга и пристрастия,
порядочность и дружбы и доверия.
Как космонавт я – самочувствие прекрасное,
коль вижу, что попал не в эти двери я.

И облекла людская пустота,
наполненная суетностью, тщеньем,
но всех событий жизни пестрота
для нищего не служит утешеньем.

Как нищий, за тобой иду с сумой,
и, как глотка воды, прошу участия.
Невзгоды, вы не справитесь со мной,
я с вами раньше распрощусь, несчастья!

Вот так борьба с собой несет прозренье
и рушится все ложно вековое.
Пожалуй, что достойно лишь презренья:
«В житейском опыте есть что-то роковое...»

1967

* * *

Л. Асташовой

Как странно: настроенье беззаботное,
хожу, смеюсь, уж как тут их ряди.
Но хрупко бьется сердце безработное
внутри моей мальчишеской груди.

Тобою жизнь и чувства свои меря,
навечно, навсегда в твоём плену.
В тебя, пока придуманную, верю,
и вряд ли настоящую пойму.

1967

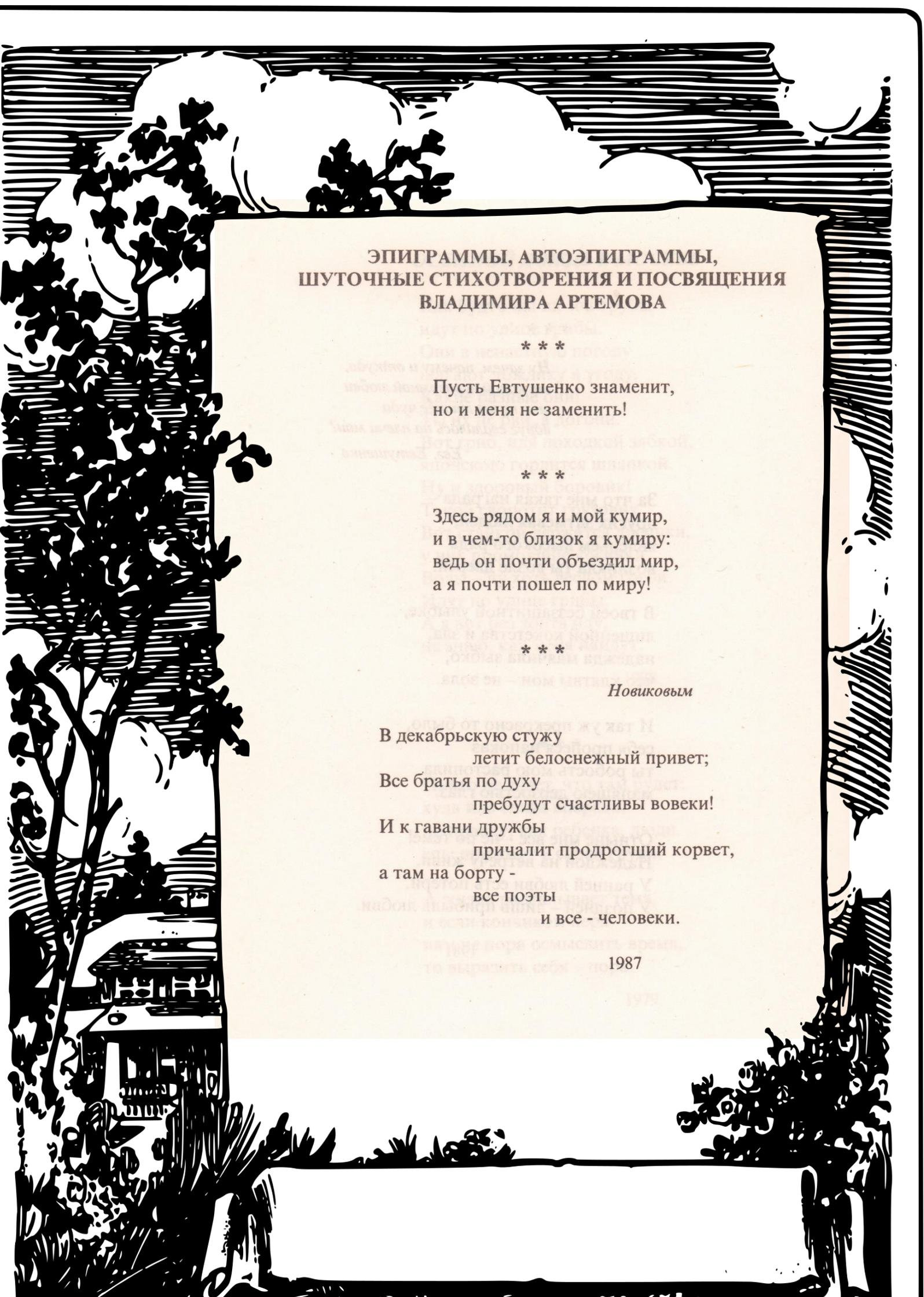
РАЗМОЛВКА

Ну что с того? Ну что с того?
Но небо вмиг окаменело.
Ну что с того? Ну что с того?
Но смолкли птицы онемело.

У испещренного стола
Ищу опоры я невольно,
И все звучат твои слова:
«Я не могу...с меня довольно...»

И лишь предательски из глаз
Вдруг слезы чуть меня не выдали.
И я бегу в далекий класс,
Чтобы друзья меня не видели.

1969

ЭПИГРАММЫ, АВТОЭПИГРАММЫ,
ШУТОЧНЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ И ПОСВЯЩЕНИЯ
ВЛАДИМИРА АРТЕМОВА

* * *

Пусть Евтушенко значит,
но и меня не заменить!

* * *

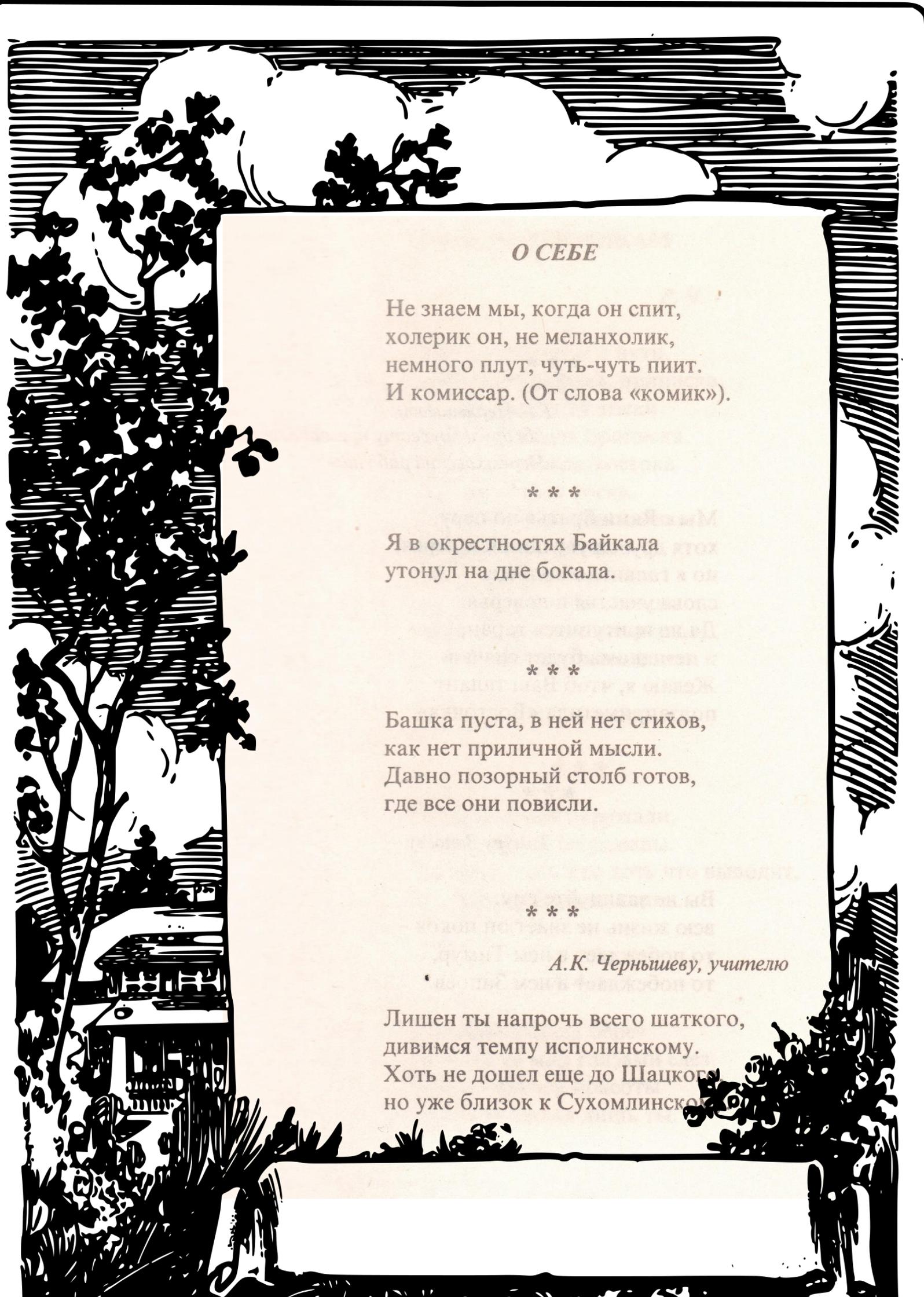
Здесь рядом я и мой кумир,
и в чем-то близок я кумиру:
ведь он почти объездил мир,
а я почти пошел по миру!

* * *

Новиковым

В декабрьскую стужу
летит белоснежный привет;
Все братья по духу
пребудут счастливы вовеки!
И к гавани дружбы
причалит продрогший корвет,
а там на борту -
все поэты
и все - человеки.

1987

О СЕБЕ

Не знаем мы, когда он спит,
холерик он, не меланхолик,
немного плут, чуть-чуть пиит.
И комиссар. (От слова «комик»).

* * *

Я в окрестностях Байкала
утонул на дне бокала.

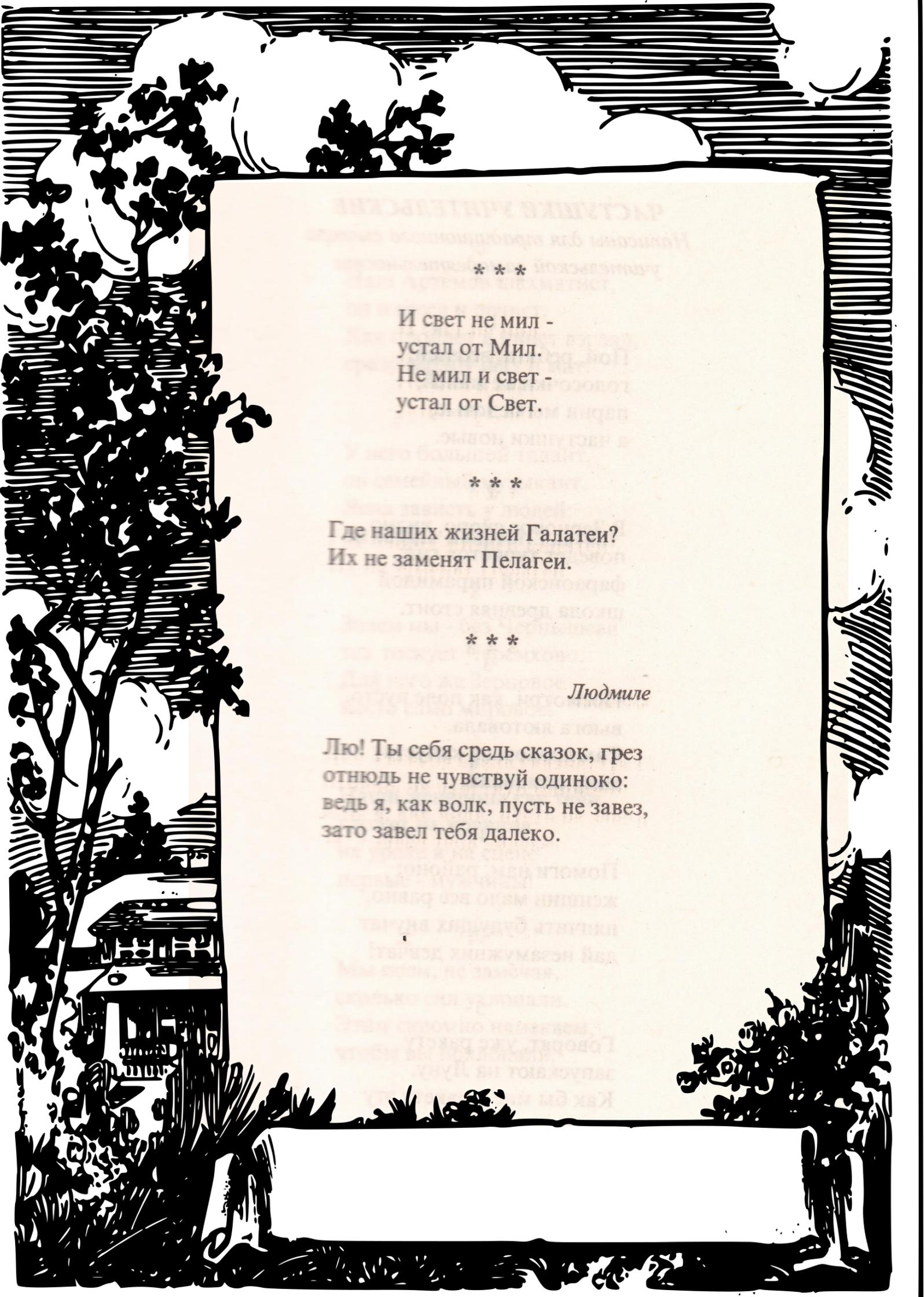
* * *

Башка пуста, в ней нет стихов,
как нет приличной мысли.
Давно позорный столб готов,
где все они повисли.

* * *

А.К. Чернышеву, учителю

Лишен ты напрочь всего шаткого,
дивимся темпу исполинскому.
Хоть не дошел еще до Шацкого,
но уже близок к Сухомлинскому.

И свет не мил -
устал от Мил.
Не мил и свет -
устал от Свет.

Где наших жизнью Галатеи?
Их не заменят Пелагеи.

Людмиле

Лю! Ты себя среди сказок, грез
отнюдь не чувствуй одиноко:
ведь я, как волк, пусть не завез,
зато завел тебя далеко.